

«ВСПОМИНАЯ О СЧАСТЛИВЫХ ГОДАХ НАШЕГО ДЕТСТВА, ЮНОСТИ...»

Благодарной памяти всех тех,
кто помог выжить детям 20-х годов XX века

**Валерия
Португалова,**
кандидат
медицинских наук

Отрывочные наброски о прошлом, не затрагивающего меня непосредственно, появились не случайно — они часть воспоминаний, моё восприятие событий, связанных с жизнью отца, Виктора Валентиновича Португалова¹, который когда-то очень давно, на исходе дней своих, с упрёком повторял: «Ты ничего не сделаешь, чтобы меня помнили». К возврату долгов памяти в силу многих обстоятельств мне удалось приступить не сразу. Лишь постепенно осознание того, что я принадлежу к последнему поколению, помнящему его поколение, что остаётся всё меньше шансов остановить уцелевшие кадры прошлого, привело меня к неизбежной встрече с давно ушедшими временами.

Пытаясь восстановить отдельные моменты прошлого, я вначале обращалась лишь к запечатлевшимся в копилке памяти случайно обронённым словам, фразам, старым пожелтевшим фотографиям, не всегда несущим достаточно полную информацию. Всё же на основе воспоминаний и найденных позднее архивных материалов мне удалось воссоздать историю жизни отца, внесшего вклад в развитие отечественной науки прошлого века.

На первых порах мне хотелось бы представить на суд читателей интереснейший, с моей точки зрения, эпизод становления молодого поколения 20-х годов XX века.

Началось с того, что обычная спокойная фраза из автобиографии «после окончания школы поступил...» неожиданно привлекла внимание, вызвала некоторые сомнения. И всё из-за того, что на имевшихся в нашей библиотеке подаренных отцу книгах стояло не только «от верных школьных друзей», но и «от друзей колонистов, коммунаров» или «о незабываемых годах, проведённых в детдоме». Естественно, долгое время меня настораживало, отпугивало слово «колония», привносило в мои поиски некий моральный дискомфорт, поскольку, помня круг его школьных товарищей, учителей, никогда не слышала, чтобы кто-либо из них совершал какие-либо правонарушения. Поэтому я задалась целью выяснить, что же стояло за словами «детдом», «школа, колония, школа-коммуна «Молодая гвардия», узнать хотя бы небольшую часть её истории. Удалось это не сразу и заняло не один год. Я работала в Педагогической, Исторической библиотеках, но материалов о школе «Молодая гвардия» (название её я знала из сохранившихся трёх школьных литературных журналов) не обнаружила. В своих исканиях пришлось обратиться к истокам советского образования, вернуться к хронике истории страны.

Многочисленные энциклопедические источники подтверждали, что в первые же послереволюционные годы (времена Гражданской войны, военного коммунизма, ужасающего голода 20-х годов) перед строителями нового государства встали задачи по срочному воспитанию новых кадров «строителей коммунизма». Трудности осуществления этих целей состояли в том, что институт старых воспитательных учреждений был практически разрушен; если же школы, гимназии где-то и сохранялись — в них нередко саботировались распоряжения нового начальства; многие воспитанники и их воспитатели оказывались в силу многих обстоятельств на улице. Число детей, оставшихся без образования, росло неуклонно и представителям власти, помимо активной работы по спасению детей от голода, сиротства, нарастающей беспризорности, приходилось одновременно заниматься созданием сети детских домов, школ нового типа, школ-коммун. Несмотря на многочисленные трудности, испытываемые на военных и трудовых фронтах, правительству всё же удавалось уделять внимание проблемам детства и юношества. На-

1

Советский цитолог, гистохимик, пионер во многих областях отечественной науки, профессор (1955), член-корреспондент АМН СССР (1963), лауреат Государственной премии СССР (1951), заслуженный деятель науки РСФСР.

чая с 1918 года, по декретам Совета Народных Комиссаров проводится срочная работа по преобразованию ранее существовавших детских приютов, сиротских домов для несовершеннолетних в детские до-

мальчиков и девочек. В первые годы (1918–1925) детям, собранным из разных мест, пытались привить основы коллективизма, приучить их к самостоятельности, к умению занимать активную жизненную позицию. На 2-м этапе (1926–1932), в период индустриализации страны, большое внимание уделялось политизации детского сознания, созданию детского коллективного движения. К концу 30-х годов большинство школ-коммун было реорганизовано в школы обычного типа или школы коммунистической молодёжи.

Всё, что мне удалось почерпнуть из энциклопедических изданий о подобного рода школах, подтверждалось примером школы, которую окончил мой отец. Первоначально, ещё не имея в своём распоряжении достоверных документальных материалов, только на основе рассказов, которые я запомнила с детства, у меня было сформировано целостное представление об этой школе.

Школа была создана и многие годы существовала под руководством великолепного педагога — Степана Сергеевича Щербакова (который имел непонятное для меня прозвище Фукс). Потрясающий энтузиаст своего дела, педагог старой гимназической школы, сохранивший до последних дней любовь к своим ученикам, не утративший связи с ними, Степан Сергеевич сумел создать в одном из старых подмосковных имений прекрасный коллектив педагогов и их помощников. В страшные годы разрухи, революционных потрясений Щербаков и его коллеги сохранили жизнь не только беспризорным и сиротам, но и многим детям интеллигенции, дворянства, которым, как асоциальным элементам, было трудно, а порой невозможно выжить в Москве и других городах. Степан Сергеевич собрал под одной крышей детей чрезвычайно разных, но с одинаково опалёнными душами и смог сплотить их, преодолевая сопротивление необычному для них теплу и вниманию. И путёвки в новую жизнь получили дети уже с новым мироощущением. Благодаря этой школе-коммуне, её наставникам, удалось уцелеть многим славным фамилиям.

ма, школы-интернаты, а также по формированию трудовых коммун. На это удавалось выделять средства из скудного бюджета молодой Республики. В 1919 году основывается Государственный Комитет по защите детей; в 1921 году организуется при ВЦИКе Комиссия по улучшению жизни детей во главе с Ф.Э. Дзержинским. Основой реформирования школьного образования стало «Положение о единой трудовой школе РСФСР (1918)». Преимущественное большинство создаваемых школ должно было входить в систему опытно-показательных учреждений (ОГПУ) Наркомпросов Республик. Вновь открывавшиеся школы располагались в сельской местности, состояли из общеобразовательной школы (как правило, I–II ступени) и интерната.

Школы имели свои земельные угодья и учебно-производственные мастерские. Основным воспитательным средством был объявлен труд, а в сельском хозяйстве главной формой организации жизни — самоуправление. В 1923 году в стране насчитывалось 178 школ подобного рода (Постановление СНК РСФСР о сети Наркомпроса от 20.08. 1923 г.). Одновременно проводили эксперимент по совместному обучению

Время скоротечно. Когда я попыталась узнать подробности о школе-коммуне в деревне, где она ранее располагалась (примерное её местоположение я знала), то столкнулась с почти полным забвением

прошлое: никто ничего не помнил и не знал — будь то жители этой деревни, сотрудники Звенигородского краеведческого музея, Одинцовского районного музея, методисты Одинцовского отдела народного школьного образования или педагоги расположенного на территории бывшего имения вновь построенного детского дома. Никто не помнил, не знал и бывших владельцев этих земель. А ведь о владениях в окрестностях подмосковной деревни Зайцево упоминали в писцовых книгах XVIII века. Среди лесов и полей раскинулось богатое имение, последними владельцами которого были Лосевы. Вокруг обширного, затейливого на вид дома, многочисленных флигелей, служебных помещений располагался большой парк с красивыми тенистыми аллеями. В 1886 году к сыну хозяев с компанией студентов приезжает его друг, будущий известный художник Василий Николаевич Бакшеев. Внимание последнего привлекает 15-летняя дочь хозяев (написанный в Зайцево её портрет «Девушка, кормящая голубей» широко известен любителям живописи). Из-за юного возраста милой девушки свадьба состоялась только через шесть лет. И с тех пор жизнь Бакшеева на протяжении почти сорока лет была тесно

связана с этим имением. На выстроенной Василием Николаевичем даче бывали известные художники той поры (В. Серов, И. Левитан), по преданиям приезжал Лев Толстой. Красоты скромной среднерусской природы, воспетые художником, вошли в историю русской культуры; его картины с изображением лирических пейзажей подмосковного Зайцева хранятся во многих крупных музеях страны.

Владения Лосевых и дача Бакшеевых, переданные после революции в ведение ор-

**Школа-коммуна
«Молодая гвардия»
в бывшем имении
Лосевых
и Бакшеев пруд**

ганов Московского Народного Образования (МОНО), стали базой для организации детского дома, а позднее школы (кстати, и до революции здесь была небольшая школа).

Ныне о существовании домов Лосевых и Бакшеева смутно помнят единицы: лишь одна пожилая жительница деревни вспомнила, что «мать её мужа семилетней девочкой работала у барыни в имении; а сами они, уже в более поздние предвоенные годы, бегали в ещё существовавшую тогда в доме Лосевых школу». По воспоминаниям этой же женщины школьный дом в те годы был уже полуразвалившимся, но ещё красивым внутри, с витыми лестницами, высокими печами. Несколько поколений деревенских жителей обучалось в этой школе. Сейчас дом снесён, а на прекрасные аллеи парка идёт атака «новых русских», оккупировавших окружающие красоты (поля, лесные участки); жителям с трудом удалось сохранить лишь небольшой участок парка. Заросший, некогда большой, создан-

Губернские аттестационные комиссии МОНО направляли выпускников школы во многие технические, педагогические высшие учебные заведения Москвы и Петрограда, университеты, ВХУТЕМАС, военные институты.

ный усилиями Бакшеева пруд постепенно гибнет; остаётся надеяться на то, что владельцы построенного здесь заведения для детей современной московской элиты не дадут ему окончательно погибнуть.

Неудачные попытки восстановить «на местности» картину жизни школы, в которой учился отец, заставили меня заняться поисковой работой в архивах. Сочувствовавшие моим раскопкам архивные работники тщательно подносили всё новые материалы — мы перебрали массу дел из разных фондов, описей, но искомая мною школа, казалось, испарилась. Архивариусы уже начали сомневаться в корректности поставленных перед ними задач, но вдруг появились первые документы, подтверждавшие факт существования школы. В отчётах МОНО указывалось на функционирование в Звенигородском уезде «Загородной школы 2-й ступени в деревне Зайцево»; позднее были подтверждены адресные данные: «Брянская железная дорога (Московская Киево-Воронежская ж. д.), 12-й разъезд, в 1 версте от него». Можно было попасть в школу и по другому адресу: «Александровская железная дорога, станция Жаворонки, 6 вёрст от неё». Когда я перелистывала 865-ю справку из архивов разных учреждений МОНО, вдруг интуитивно вернулась к уже просмотренному незаметному клочку бумаги, поставившему всё на свои места. В небольшом заявлении от 20 апреля 1923 года была просьба «выдать разрешение на новые печати для 2-й Загородной школы в Зайцево Брянской ж. д. Разъезд № 12, имение быв. Лосевой, а теперь переименованное в юношеский дом «Молодая гвардия»; под заявлением стояла подпись заведующего школой С. Щербакова. Итак, впервые для меня документально было подтверждено наличие школы II ступени, преобразованной по просьбе учащихся в школу-коммуну «Молодая гвардия». Переименование школы в «юношеский дом» объясняли другие документы; возраст многих воспитанников не укладывался в понятие «детский» (выпускники школы были 17–20-летними молодыми людьми). После указанной справки на свет божий появились и новые документы, которые позволили мне

воспроизвести жизнь этого коллектива. Развеялся мой страх перед словом «колония» (кстати, в Московской школе-колонии, коммуне имени Н.Н. Лепешинского учились дети вождей партии, правительства). В этих материалах содержались сведения о количестве воспитанников, не имеющих родителей, о количестве детей из неполных семей (таковых было большинство по сведениям МОНО); о количестве учеников, приходящих в школу извне (от 17 до 30 в разные годы). Были в материалах сведения и о составе педагогического коллектива и технического персонала: в 1920–1923 годах 60–90 детей обучали 9–15 преподавателей, которые имели высшее образование и 9–10-летний педагогический стаж. Однако все они, как было отмечено в инспекционном протоколе, оказались беспартийными. Обслуживающий персонал достигал 20 человек. Приводились данные о школьных сметах: в 1926 году на одного человека выделялось 22 копейки (в золотых рублях). Были обнаружены списки школьников, направлявшихся на учёбу в вузы, с полными характеристиками способностей учеников, их наклонностей; к делам были приложены сочинения, написанные на заданные аттестационной комиссией МОНО темы: «Почему рабочие заинтересованы в смычке с крестьянами», «Что такое партия и класс», «Разница между Советской Властью и буржуазной республикой», «Что такое профсоюзы и их задачи»². Но самыми интересными оказались отчёты старшего инспектора С.А. Писарева по инспекции школ-колоний Москвы и Подмосковья.

В списках школьников 1922–1925 годов фамилии отца я не обнаружила; возможно, он был в списках приходящих или просто нужные мне бумаги не были найдены: на школьных фотографиях лицо отца я находила.

Могу с удовлетворением отметить, что в отличие от других школ никаких правонарушений в Зайцевской школе выявлено не было, хотя и отмечались тяжёлые стороны быта. В школе не было казнокрадства, воровства, побоев, истязания детей.

Несмотря на отсутствие в школе медицинского персонала, тяжёлых заболеваний среди воспитанников не наблюдалось.

Из отчёта инспектора (1922) можно составить представление об имевшихся в хозяйстве «детской колонии № 2» имущественных ценностях: отмечено наличие двух 2-этажных деревянных зданий — домов Лосевой и Бакшеева. Приводится полный обзор помещений: «в первом этаже находится столовая, общая комната, она же классная, физический кабинет, библиотека, 1 классная комната, 4 спальни для мальчиков, 2 комнаты педагогического персонала, канцелярия. На 2-м этаже размещались 4 спальни для девочек, 3 комнаты школьных работников, бельевая. Во 2-м здании на первом этаже отведены были: 1 комната для педагога, 1 для технического служащего; 1 квартира в 2 комнаты оставалась занята посторонними лицами (какое-то время Бакшеевыми). На 2-м этаже — 1 спальня девочек, 1 комната педагога; 1 квартира, также занятая посторонними лицами». Кроме указанных двух зданий имелись оставшиеся от старых хозяев баня, сторожка, конюшни, 4 сарая, рига, 2 подвала. Все помещения, как отмечалось в отчёте, отапливались голландскими печами; воду возили «из собственного колодца» (был на этот случай водовоз Харитон). Освещение оставалось керосиновым. Инспектор отмечал, что помещения необходимо привести в порядок, стены, полы и потолки находились в запущенном состоянии. Мебели, посуды, белья, обуви явно не хватало. Дети ходили в тряпичных туфлях даже зимой. «Продукты питания выдаются регулярно, но получают их не всегда доброкачественными». По мнению инспектора, питание было разнообразным. Насколько «разнообразным», можно судить по выписке из меню: «картофельный суп, картофель отварной с подливой; затем вновь картофель во всех видах, реже щи, борщ, изредка картофельный суп с рыбой; каша, тушёные овощи и опять повторение того же». Наладить быт, несмотря на старания педагогов и технического персонала (все они отдавали в общий котёл свои пайки; зарплата выдавалась нерегулярно), удалось не сразу. По воспоминани-

ям одного из воспитанников школы, поэта Бориса Лихарева, «ходили они в зимнюю стужу в сатиновых пальтишках, подбитых ветром, мечтали, как о лакомстве, о мороженой картошке, о кожуре, содранной с вяленой воблы, покрытой присоленной чешуёй, вкусно поджаренной на горячих углях классных печек...».

У них ещё всё впереди

Впрочем, вдохновлённые утопическими перспективами создания нового общества, воспитанники старались не замечать временных, как они считали, трудностей. Они просто жили одной жизнью со всей страной, с её радостями и бедами и, вероятно, не представляли иного хода событий. Юные романтики считали необходимым отдать долг памяти ушедшему «вождю мирового пролетариата»; в составе делегации от детского дома вливались они в траурные бесконечные людские потоки в конце января 1924 года, изредка останавливаясь у тревожных костров на замерших в горе московских площадях. На долгие годы в памяти воспитанников осталось трудное возвращение в школу пешком в морозную студёную ночь по вьюжному бездорожью. Потрясённые горем школьники давали клятвы продолжить дело вождя, выполнить его завет «учиться, учиться, учиться...». Но чтобы выжить, им следовало ещё и трудиться... А для этого, как и предполагалось по предварительным планам и постановлениям, у школы были свои земельные участки («12 десятин земли, из коих 3,5 десятин луга; 8,5 десятин обрабатываются — из них 1,5 под огородом»). Получаемые на огороде продукты шли на добавочное школьное пи-

тание. На имеющихся у меня фотографиях дети видны за трудовыми занятиями — на покосе, около сельскохозяйственных животных. Из отчёта инспектора: «школа самообслуживается. Учащиеся рубят дрова,

топят печи, дежурят и готовят на кухне, ведут уборку дома, принимают участие в уходе за птицей и скотиной. Летом принимают участие в сельхозработах — так что рассада выращивается в собственных парниках». Но, по-моему, основные работы проводились всё же школьными подсобными рабочими (ведь в штате были кухарка, уборщица, конюх, прачка, двое рабочих). Дети же под руководством педагогов получали классическое образование — изучали литературу, алгебру, геометрию, тригонометрию, высшую математику, русский язык, иностранные языки (французский, немецкий), обществоведение, химию, физику, философию, психологию, географию; «для желающих и имеющих склонность» существовали уроки пения, музыки, рисования; эстетическое воспитание детей продолжалось на уроках пластики, которые проводили балерины Государственного театра. Обучали также сапожному и переплётному мастерству, но из-за отсутствия необходимых материалов занятия вскоре пришлось прекратить.

Мне представляется, что воспитатели (школьные работники, «шкрабы») служили примером для подрастающего поколения. Их внутренняя и внешняя интеллигентность, творческое горение, энтузиазм, любовь к детям и к своим предметам, отношение к труду, деликатность, конечно, не могли не оказывать влияния на ребят. Своим поведением, умением чувствовать и пони-

мать красоту земного бытия, поэзию родной речи они преобразовывали детские характеры, души. Мудрость воспитателей заключалась и в том, что они предоставляли им самостоятельность в виде самоуправления (даже множественные грамматические и стилистические ошибки в воинственных текстах выпускаемых воспитанниками журналов не были исправлены и дошли до наших дней в первоизданном виде).

Действительно, жизнь школы проходила под эгидой самоуправления, руководство делами осуществлялось старостатом; существовали товарищеский суд и следственная ученическая комиссия, «необходимость которой была выдвинута самой жизнью». «В качестве мер воздействия практиковались увещевания, выговоры, вызовы в школьный Совет и разбор проступков на общем собрании всего коллектива». Усиленно велась борьба с «противниками нового быта» — курильщиками и приверженцами ненормативной лексики. Как сообщалось в сатирическом отделе журнала «Молодая гвардия» (1925 г.), был даже вывешен настенный лист, в разные отделы которого следовало вносить нарушителей общественного порядка. В отдельные графы могли попасть употреблявшие «ругательства сильные (мат); ругательства религиозные («чёрт» и т. д.); ругательства житейские («сволочь» и прочие); ругательства чисто колониетские (...); танцы и курение». Под объявлением стояло: «Всех замеченных хоть одно из вышеупомянутых проявлений в области отступления от нового быта и приближения к старому просим за-

носить сделавших проявление на чистые места под графами». Какое-то время «фиг» действительно заменялся «коками», «мат» — другой, «более совершенной словесностью»; курившие умеряли свою активность; приверженцы зарубежных мелодий «до десятой усталости и до четырёх часов утра» танцевали теперь уже «революционный тустеп», вальс «Взятие баррикад»,

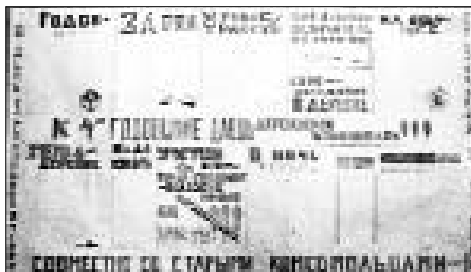
Музыкальные занятия коммунаров

«Октябрьская ночь»... Я не идеализирую состояние дел в школе; наверняка возникали конфликты между учениками, разрешавшиеся далеко не парламентскими методами. Но негласный закон школы совершенно исключал физические меры воздействия как со стороны старшеклассников, так и со стороны персонала.

Сами ученики старались улучшить атмосферу своего быта. Они вовлекали в общественную жизнь всё большее число детей, призывая их участвовать во всех школьных мероприятиях, ратовали за связь с другими школами и общественными организациями.

Внедрение в школьную жизнь системы самоуправления позволяло детям вести активную общественную жизнь. Они проводили диспуты, отмечали революционные праздники, ставили спектакли (в школе были организованы и успешно работали две драматические студии, исторический и литературный кружки), выпускали еженедельные газеты («Вперёд», «Потеха», «Комсомолец»), а с 1923 года — ежемесячный

журнал «Молодая гвардия», публикации которого затрагивали актуальные аспекты жизни школы и страны, совершали экскурсии в музеи Москвы и Подмоскovie. Инспектор отмечал, что иногда учащиеся зада-

Очередной номер газеты

вали вопросы религиозного характера «с целью сопоставления сведений из дореволюционных изданий со сведениями современных изданий», притом «учащиеся сразу же становились в положение доверия революционной литературе». «Сознательные» учащиеся требовали предоставления им возможности знакомиться с отсутствовавшими в школе свежими центральными газетами.

Созданная в 1923 году комсомольская ячейка состояла из 15 человек³ (отец вступил в неё в 1924 году). Комсомольцы проводили просветительскую работу среди неграмотного взрослого населения деревень Зайцево, Ямищево, Ликино, где позднее были организованы избы-читальни, созданы курсы ликбеза. Поскольку в окрестных деревнях изначально существовала трёхпольная система земледелия, комсомольцы считали своим гражданским долгом перевести сельское хозяйство на более выгодную, «прогрессивную», по их мнению, многопольную систему при одновременном введении запашки общественного клина. За счёт получения доходов с последнего мероприятия пытались организовать, как бы теперь сказали, финансирование дел, обеспечивающих общественную жизнь деревни, — содержание изб-читален, организацию при них библиотек, ясель, что в ту пору было диковинкой даже в больших городах. В те годы комсомольцев в деревнях были единицы

и школьная ячейка вела работу по привлечению молодёжи в комсомол, созданию ячеек в деревнях Зайцево и Ликино.

В 1923 году комсомольцы приступили к организации пионерских отрядов, сначала в самой школе, а затем и в окрестных сельских школах. Создатели пионерской организации ставили своей целью «на основе широкой самодеятельности уберечь детей от разлагающего влияния улицы, воспитать в них общественные наклонности, пробудить стремление к знанию; развить всесторонне их натуру и воспитать дух классового самосознания, подготовить к будущей общественно-трудовой жизни и борьбе за интересы пролетариата».

Трогательными представляются сегодня правила приёма в ряды пионеров, законы поведения и обычаи. Сейчас забыты их праздники: «8 марта — День матери-работницы», «День первого костра» — служивший одновременно началом подготовки к весенним и летним работам; 1 июля — «Международный праздник детских групп», 1 сентября — «Юношеский международный праздник».

Итак, юные пионеры, «будущие трудовые граждане и борцы Республики», должны были быть верными рабочему классу, честными, скромными, трудолюбивыми: «Они не валяются на кровати, стелют постели сами, а не чужими руками; точны и аккуратны; не боятся предлагать свои услуги, не курят; занимаются общественным трудом, спортом; помогают в яслях, работают в музеях, библиотеке, научных учреждениях; организуют детские площадки; охраняют общественные сады, парки, памятники старины; оказывают помощь в народных бедствиях; изучают природу, историю своего края, изучают музыку, рисование, театр...» Примерно вот такими должны были быть по уставу пионеры. Конечно, из пионеров и комсомольцев не всегда вырастали люди, соответствующие этим заветам.

Но следует отдать должное школе «Молодая гвардия» — она выпустила из своих стен многих достойных людей — защитников Родины, павших в боях за Отчизну. Из тех, кто выжил, многие стали врача-

ми, учителями, инженерами, дипломатами, авиаторами, строителями Магнитки, сталеварами, токарями, художниками, общественными и политическими деятелями, военачальниками, профессиональными литераторами. Среди них были и кандидаты, и доктора наук, и просто хорошие люди.

Я далека от идиллической оценки жизни коммунаров. Но, несмотря на множество существовавших тогда проблем, многие из них с теплотой и благодарностью вспоминали «о счастливых годах нашего детства и юности, проведённых в «Молодой гвардии». Трудолюбие, умение дорожить дружбой, любовь к знаниям, искусству — эти качества стремились привить педагоги своим воспитанникам. И если судить по тем из них, кто был связан с нашим домом, усилия педагогов привели к становлению неординарных личностей. Вспоминается известный всей Москве искусный врач-гомеопат Сергей Мухин, который был также знатоком русской старины, обладателем одного из лучших собраний картин Рериха и икон. Бывал в доме возвратившийся из дальних стран дипломат Б. Зыбин с увлекательнейшими рассказами о неведомой нам жизни в экзотических странах. Поддерживалась теснейшая связь с литераторами Борисом Лихаревым, Дмитрием Левоневским. Педагоги школы «Молодая гвардия» смогли воспитать в своих учениках настоящий, а не «квасной» патриотизм. Многие бывшие коммунары с боями отстаивали Родину, сражались на передовых рубежах и на трудовых фронтах. И после окончания Великого сражения оставались верными сыновьями своего Отечества. Примером может служить жизнь одного из однокашников, который писал о себе и о своих друзьях:

С кем дружил я дружбой самой честной.
С кем делил походы, песни, труд.
Адреса друзей моих известны,
Позову — и все они придут.
Пусть они за дальними горами,
А другие странствуют в морях,
Я могу друзей считать полками,
Потому что был я в их полках.

Написал эти стихи Борис Михайлович Лихарев, до поступления в школу слушавший речи ораторов и свист пуль, мёрзший и голодавший на улицах революционного Петрограда. По завершению учёбы поступил он в Литературный институт имени В. Брюсова, где его сокурсниками были М. Светлов, А. Жаров, Дж. Алтаузен; позднее Лихарев, заканчивая филфак Ленинградского университета, входил в известное ленинградское литературное объединение «Смена», которым руководил Виссарион Саянов. И хотя первые юношеские стихи были опубликованы уже в 1922 году, коллеги по поэтическому цеху выделили его среди авторов коллективного сборника «Разбег» только в 1929 году. Через год стихотворение Лихарева «Соль» из одноимённой книги стало гимном комсомольцев 20-х годов; его исполняли синеглазники, с ним они ходили на демонстрации, в походы:

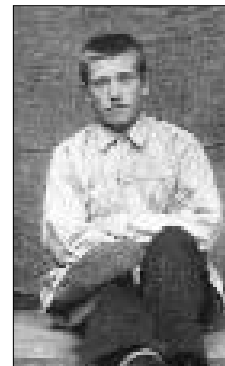
Мы соль земли, мы вкус земли,
спрессованы в пласты
и мириться не могли
с позором пресноты.

Во время творческой командировки в Среднюю Азию, привлекавшую молодого поэта не только экзотикой, но и недавним прошлым — борьбой красных бойцов и их командиров с басмачами, он познакомился с легендарным чешским коммунистом Юлиусом Фучиком, с которым и позднее поддерживал дружеские связи. В холодную зиму 1939–1940 годов Лихарев был командиром сапёрного взвода, который прокладывал дороги через топкие болота и минные поля, давая возможность пехоте и танкам пробиваться на новые рубежи — «мой верный тол, оружие сапёра, путь пробил ты сквозь тайгу и этот путь забудется не скоро». В жуткие морозы, когда руки примерзали к железу лопавшихся кожухов пулемётов «максим», посвящал поэт стихи

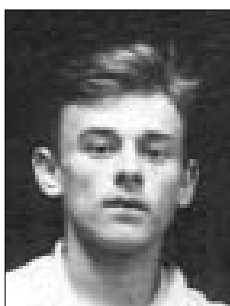
Тому, кто со мною был,
кто грелся в чумах из хвои,
кто хлеб рубил топором,
тому, кто врагам назвал

шагал полка впереди,
с кем в долгую зимнюю ночь
наган согревал на груди.

За храбрость боевой командир-поэт получил редкую в те годы награду — орден Боевого Красного Знамени. После недолгих мирных месяцев с первых же дней Великой Отечественной войны стал в ряды защитников Ленинграда. В дни блокады в осаждённом городе поэт работал в газете Ленинградского фронта «На страже Родины»; возглавлял ленинградскую писательскую организацию — был её ответственным секретарём; редактировал книги измученных постоянными бомбёжками и артобстрелами, обессиленных голодом писателей, которые оставались в городе (эти герои смогли выпустить 75 блокадных книг). Успевал Борис Михайлович выступать и на передовом крае обороны. Его стихи звучали по радио, печатались в дивизионных, армейских, фронтовых газетах, в «Ленинградской правде» — стихи-памятки, стихи-советы. Не все они остались в большой литературе, но все были искренними, честными. Интересны его репортажи о партизанах Псковщины (по заданию Политуправления его направили во вражеский тыл), о прорыве блокады. С передовыми частями войск маршала Мерецкого участвовал в освобождении от фашистских захватчиков суровых земель соседней Норвегии. После войны Борис Михайлович Лихарев был редактором журналов «Ленинград», «Ленинградский альманах», главным редактором ленинградского филиала издательства «Советский писатель». Столь активная общественная работа не мешала работе творческой. Он побывал во многих местах нашей красивой Родины. Впечатления от поездок стали основой многих его произведений. Горячо любимой природе, не менее любимому городу — Ленинграду он посвятил много прочувствованных строк. Писал он о ставшей близкой ему Норвегии, полюбившейся Чехословакии, Швейцарии. Самое же главное, что он оставался до конца своей недолгой 56-летней жизни «человеком безупречной личной храбрости, редкой доброты и щедрости» (со слов Вадима Шефнера).

Коммунар
Борис Лихарев

Дмитрий Левоневский**Лидя Правдина****Валерий Правдин**

Светлую память оставил о себе и другой командир, принимавший активнейшее участие в общественной жизни школы, Дмитрий Анатольевич Левоневский. Он также дорожил старинной дружбой коммунаров, стараясь прийти на помощь в трудную минуту. Левоневский внёс немалую лепту в советскую литературу. Одно из первых его произведений «Очерки из истории русской поэзии века XX» (в соавторстве с В. Саяновым) увидело свет в 1929 году. Писал он о тружениках Бакинских промыслов, рабочих химических комбинатов, книги об интервенции времён Гражданской войны, о работе чекистов в 1919 году. Известны его литературоведческие работы о творчестве А. Горького. Дополнив рассказы о выпускниках школы-коммуны «Молодая гвардия» эпизодами из жизни моего отца, Португалова Виктора Валентиновича. В 1929 году он получил кинематографическое образование, а в 1930-м поступил на биологический факультет Московского государственного университета имени Н.Н. Покровского, который закончил в 1934 году. Во время обучения в университете работает во ВГИКе (ассистент кафедры научного фильма) и в Научно-исследовательском кино-фотоинституте (научный сотрудник и заведующий полужаводской установкой специальных видов съёмки). Тогда же появляются его первые научные сообщения в журнале «Zeitsch für Zellforschung und Microscopische Anatomie». После окончания вуза работает в НИИ зоологии (старший научный сотрудник) и в МГУ (ассистент кафедры гистологии), организует лабораторию научной кинематографии, ведёт курс микросъёмки и цейтраферной съёмки. Конструирует и строит комплекс аппаратуры для цейтраферной микро- и макрокиносъёмок, снимает около 20 научных фильмов, которые по сию пору используются в качестве пособий на учебных занятиях в вузах. Его фильм «Живая нервная клетка» получил высокую оценку отечественной и зарубежной научной общественности.

23 июня 1941 года отец, как и многие его сверстники, был мобилизован в ряды Красной Армии. Службу проходил в патоло-

**Воспитанники школы.
Крайний слева — Виктор Португалов**

гоанатомических отделах сортировочно-эвакуационных госпиталей, в Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова. Помимо практической службы патологоанатома, командир медицинской службы В.В. Португалов занимался вопросами токсикологии, проблемами военного труда и авиационной медицины. Результаты его исследований нашли применение во время войны в практике артиллерийской службы. Не менее важными были и исследования в области действия нейротропных ядов. После освобождения Австрии он изучал работу секретных токсикологических лабораторий, а в 1945 году был командирован со специальным предписанием в Румынию и Венгрию. Его научные изыскания в области авиации впоследствии были подтверждены учёными, работающими в космонавтике. Исследования отца были положены в основу разработок по спасению лётного состава методом катапультирования. За эту работу Виктор Валентинович Португалов был удостоен звания лауреата Сталинской (Государственной) премии. В своей жизни отец неоднократно менял направление своих исследований. С 1947 года занимаясь проблемами новой науки радиобиологии, установил отрицательное воздействие атомной энергии на структуры симпатической нервной системы, ряд отделов головного мозга. Проводившиеся на атомных полигонах и в условиях эксперимента работы существенно повлияли на последующее развитие теоретической и практической радиомедицины. Свой вклад отец смог внести и в космонавтику. Интересные результаты были получены при осуществлении совме-

**Директор школы-коммуны «Молодая гвардия»
Степан Сергеевич Щербаков со взрослыми
воспитанниками на своём юбилее**

стных международных программ биологических исследований на искусственных спутниках Земли «Космос-605», «699», «782», «936». Данные, свидетельствующие о влиянии условий космического полёта на организм высших млекопитающих — воздействия невесомости, гипокинезии, гипотермии, невесомости, представляли большой интерес как для отечественных, так и зарубежных учёных. Занимаясь фундаментальными исследованиями нервной системы, Виктор Валентинович колоссальное внимание уделял становлению и развитию новых методик. Его лаборатория в Институте мозга АМН СССР на многие годы стала ведущим центром в области отечественной цитологии и гистохимии. Под руководством Португалова выходили основные переводные руководства по теоретической и практической гистохимии, электронной микроскопии, долгие годы остававшиеся главными пособиями в работе исследователей и практиков. Его заслуги в развитии отечественной гистохимии были оценены. В 1953 году его избирают членом-корреспондентом по специальности «Гистохимия», Председателем Национального Комитета по гистохимии при Президиуме АМН СССР, членом Международной организации по изучению мозга. Многое можно дополнять о научной и общественной деятельности Виктора Валентиновича (он был членом Бюро Отделения медико-биологических наук АМН СССР, членом правлений многих научных обществ, членом редколлегии отечественных и зарубежных изданий, председателем Учёных Советов и т.д.). Воспитал он и до-

стойную плеяду молодых учёных. Его ученики трудятся во многих учреждениях нашей страны и за рубежом; под его руководством было защищено 10 докторских и 24 кандидатских диссертаций. Он был награждён не только орденом Трудового Красного Знамени, но и многочисленными медалями, грамотами. И все эти годы отец не терял связи со своими учителями и одноклассниками.

На свои встречи бывшие коммунарки нередко приглашали учителей. Вспоминали соучеников: активистов Тимофея Селиванова, Эрика Шальмэ, Николая Петрова, Алексея Лаврова, Сергея Диковского (погибшего на фронте), Владимира Москалёва, Василия Герасимова, Бориса Дмитриевского, Николая Чулкова, Валерия Правдина, Перелешина; девочек, в которых они порой влюблялись, — Шумову Мусю, сестёр Шульгиных, Нину Крауз, Ирину Алябьеву, Лиду Правдину и других. С годами встречи становились реже; последним из известных мне коммунаров ушёл мой отец и к школьной теме с тех пор никто не прикасался. Поэтому всё вышеизложенное является отражением лишь моего восприятия чужой жизни; участники событий прошлых лет, несомненно, расценили бы и описали их по-иному.

В заключение приведу строки Бориса Лихарева, которые, мне кажется, дают точную характеристику этим людям:

Есть в мире прекрасные люди,
Есть люди всевластной мечты.
И путь их особенно труден,
Особенно резки черты.
Сжигаемы жаждой сердечной,
Влюблённые в ясную высь,
От прелести жизни беспечной
С презреньем они отреклись.
Над ними не властвуют страхи,
Идут они, сердцем щедры,
На все эшафоты и плахи,
На все испытаний костры.
Есть люди с душою атлантов,
Есть люди нелёгкой судьбы...
И меркнет фантазия Данте
Пред яростной правдой борьбы.

Тимофей Селиванов

Нина Крауз

Алексей Лавров